

Научная картина XXI века представляет мир не как механическую систему, а как мир потокового Процесса и комплексного произведения. Поэтому в творчестве становится важным выражение места как Процесса, характеризующегося совокупностью необратимых и взаимосвязанных круговых изменений в динамическом порядке сети взаимодействий. Такое рассмотрение соответствует поэтике пространства или топоанализу мест. Кибернотопически-потоковая поэтика пространства предлагает изучение истоков образа не на основе отдельных атомарных единиц-образов, а на основе целостных процессов, встроенных в биосферные потоки.

Ключевые слова: теория; кибернотопика; нелинейность; место; потоки; процесс; поэтика.

The scientific picture of the 21st century presents the world not as a mechanical system, but as a world of streaming Process and complex work. Therefore, it becomes important for creativity to express place as a Process characterised by a set of irreversible and interconnected circular changes in the dynamic order of the network of interactions. Such a consideration corresponds to a poetics of space or a topoanalysis of places. The cybernotopically streaming poetics of space proposes the study of the origins of the image not on the basis of individual atomic units-images, but on the basis of holistic processes embedded in biospheric flows.

Keywords: theory; cybernotopics; nonlinearity; place; flows; process; poetics.

Кибернотопически-потоковая поэтика пространства / Cybernotopically streaming poetics of space

текст

Злата Гаевская
Санкт-Петербургский
политехнический
университет Петра
Великого

text

Zlata Gaevskaya
Peter the Great St.
Petersburg Polytechnic
University

Введение

В настоящее время происходит изменение мировоззренческих, теоретических основ архитектуры. Человеческое общество переходит от модернистской функционально-ориентированной модели Мира к постмодернистской, коммуникативно-ориентированной. Коммуникация – это не только термин человеческого общения, но и сложный феномен постмодерна, подразумевающий, что «субъекты коммуникаций отныне соединяются не линейными, а нелинейными обратными связями, обуславливающими взаимовлияние, изменение самих субъектов и характера коммуникаций в процессах» [1, с. 118].

Рубеж XX–XXI вв. потребовал изменения человеческого мышления. М. Н. Эпштейн отмечает: «Уже нельзя ограничиваться построением отдельных зданий (учений, систем) – нужно создавать нооценоз, интеллектуальную среду обитания, логические объемы и переходы, которые часто остаются незамеченными, потому что мы живем в них, как горожанин – в многоплановой искусственной среде» [2].

Такой подход близок рассмотрению Ремом Колхасом города как сложнейшего живого организма («Нью-Йорк вне себя»). Осознанное проектирование города должно строиться на отказе от квартальной решетки проектирования и вводе новой системы ценностей, основанной на понимании его как паутинового переплетения потоков (природных, людских, транспортных, денежных, хозяйственных, информационных и т. д.). Эти потоки в городе, переплетаясь, устанавливают политические, культурные, социальные, экономические связи в метаболической паутине жизни и отражаются в его поэтике.

Такое потоковое понимание города требует выхода из декартовой системы координат. Пионерами в этой области исследования можно считать Клода Парента и Поля Вирильо, которые в рамках группы «Architecture Principe» в 1963 году отказываются от архетипических пространственных компонентов – таких как колонны, стены, крыши – и используют наклонные поверхности [3]. Для них становятся важными поощрения потока и демонстрации движения и текучести. Они интуитивно почувствовали необходимость ухода от вертикальных городов, создающих однообразные и монотонные формы искусственного рельефа. Их правоту убедительно

раскрывает геоморфолог Н. А. Флоренсов, рассматривающий всемирную урбанизацию как «расширение сферы антропогенного рельефа за счет естественного, идущее одновременно с большой скоростью из множества центров на всех материках и создающее формы искусственного рельефа даже более однообразные и монотонные, нежели это делают природные процессы» [4, с. 203]. В природе однообразие и монотонность губительны, так как разнообразие является важнейшим свойством всех экосистем.

Реальные модели социальной жизни в настоящее время втиснуты в жесткие планировочные сетки антропоцентрических планов и в компактные строительные блоки. Капиталистическая детерминация, навязанная современному городу, превратила его в машину с социальными атомами. Негативные аспекты такой урбанизации в том, что антропогенный массознергобмен в качественном и количественном отношении, в отличие от биотического круговорота веществ, почти не образует замкнутый цикл.

Урбанизм всегда выявлял решающие качества современности, и функционально-ориентированная модель Мира представляла город как машину; это оформлялось в ограничительном единообразии вертикальных городов. Переход к коммуникативно-ориентированной модели Мира невозможен без понимания того, что наша постиндустриальная эпоха под давлением современного экологического кризиса требует коэволюционного планетарного мышления.

Теоретические поиски Клода Парента и Поля Вирильо должны быть дополнены поиском сути поэтики традиционных паттернов жизнеустройства в конкретном месте и коэволюционным планетарным мышлением, подразумевающим необходимость сохранения Биосферы и встраивания в ее законы. В статье «Градостроительная кибернотопика: образ-метабола» продемонстрирована возможность ментального показа сопряжения социальных, хозяйственных и природных потоков в конкретном месте на примере традиционного крестьянского ландшафта [5]. Декартовы городские формы и планировка территории не отвечают требованию времени – потоковому пониманию города на основе динамизма, текучести, непрерывности, мобильности и показа следов

прошлого и будущего в синхронно настоящем в поэтике пространства.

Таким образом, от застывших типологических композиций городов необходимо перейти к новому видению города, визуализирующему потоковый Процесс и его поэтику (от греческого «творить»). Восприятие архитектурно-пространственных объектов как носителей поэтических образов соответствует видению Гастона Башляра (1884–1962), для которого был важен показ в образе его собственной динамики и бытия. В доктрине Гастона Башляра важны мотивы феноменологии и поэтического творчества (см.: Поэтика пространства, 1958). Для него вещь не что иное, как остановленное явление (от греческого «феномен» – явление). Феноменология связана с именем Эдмунда Гуссерля (Логические исследования, 1900–1901), создавшего феноменологию на рубеже XIX–XX вв., и представлена в трудах М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, Э. Левинаса и др. Для Гастона Башляра характерно феноменологическое отношение к искусству как опыту проживания, близкое утверждению Э. Гуссерля, что суть вещей выявляется только в отношении с миром. Но любой феномен общественной реальности, его бытийствование будет символически окрашиваться в те тона культуры, которые задаются природным текстом и определяются пространственно-временным континуумом жизни конкретного места (единство природы, жизнеустройства и мышления).

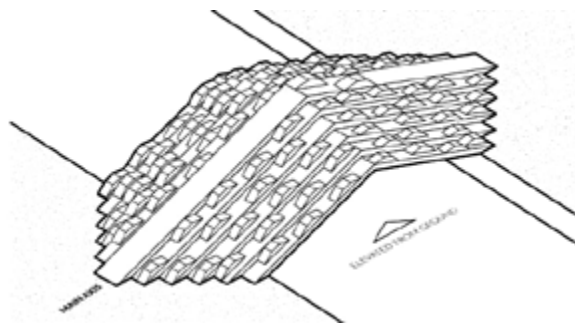
Разгадывание искусства как загадки видения (по М. Хайдеггеру) может быть построено на том, что топология бытия подразумевает отсутствие в пространстве пустых мест и разрывов. Для искусства также важно отношение между объектами и различие между ними. Поэтому становится важным поиск возможности построения такой художественной системы пространства, где все связано, все целостно, едино и определяется биосферными процессами. Образная сфера пространства должна быть построена на вневременном отпечатке метафизического плана бытия и космопланетарном временном масштабе. Творчество может пониматься не только как творчество человека, но всей Природы и Космоса.

В предлагаемом новом научном направлении – кибернотопике процесс является основополагающим, и формирующие его потоки являются одним из способов выполнения процесса месторазвития и ресурсом, изменяющим его поэтический образ. Потоки являются своеобразными программными кодами, которые можно выявить на основе социокодов (М. К. Петров). Для изучения возможностей создания образа не на основе отдельных атомарных единиц-образов, а на целостных формациях или процессах, встроенных в биосферные потоки, рассмотрим традиционный крестьянский ландшафт, так как его организация была тесно связана с Природой.

Метод

Господствующий сегодня в градостроительстве средовой подход, построенный только на внимательном отношении к окружающей среде, не учитывает понятия процесса, потока и связанного с ними движения. Клод Парент и Поль Вирильо еще в 1971 году показали возможность нарушения в архитектуре классического и модернистского правила ортогональности, поощрения потока и показа дисбаланса, движения и текучести (рис. 1).

Постмодернизм в архитектуре возник во 2-й половине 1960-х годов как реакция на модернизм. Проекты модерна характеризовались унифицированностью формального языка и равнодушием к градостроительному, историческому и иным контекстам, окружающим объект проектирования. Переход от индустриального общества к постиндустриальному в культуре 2-й половины XX – начала XXI вв. ознаменовался наступлением эпохи постмодерна, характеризующейся принципами плюрализма, незавершенности, децентрализации и фрагментарности.

< Рис. 1. Городской мост. 1971. 3D-модель на основе архивных рисунков Клода Парента. Ertuğ Erpek, Esin Kömez Dağlıoğlu [3]

«М. М. Бахтин, утвердивший категорию незавершенности в сознании наших современников, отмечал с сожалением: “На первом плане у нас готовое и завершенное. Мы и в античности выделяем готовое и завершенное, а не зародышевое, развивающееся”» [6, с. 20].

Видение мира как зародышевого и развивающегося предлагает кибернетика второго порядка: У. Р. Эшби, Г. Бейтсон, Х. Фёрстер и другие ученые. Кибернетика второго порядка, в отличие от одномерной винеровской, где управление сложностью строится только на реагировании на изменения в объекте управления, является многомерной, уже учитывающей тенденции изменений в объекте управления. В ней объект управления включается в эволюционную систему пространства и времени. Архитектура может быть динамической и отзывчивой, способной к коммуникации, взаимодействию и адаптации.

Градостроительство можно рассмотреть как гомеостаз, то есть систему, которая стремится поддерживать параметры своего существования в динамическом равновесии. Культура может выступать в виде средства поддержания гомеостазиса. Целью гомеостатического процесса в градостроительной кибернотопике может быть месторазвитие (термин введен П. Н. Савицким). В месторазвитии подчеркивается именно взаимодействие людей с территорией, а не детерминация, и главным является симбиоз, органическая целостность между социоисторической средой и географической обстановкой. Таким образом, место промысливается, вбирает опыт жизнеустройства людей, конструируется и имеет человеческое измерение.

Одним из важнейших теоретических положений в кибернотопике является понимание градостроительства как ткани, ковра, сформированное природной основой и продуцирующей «следы» прошлых потоков и эпох. Узнавание «следов» потоков и знаков возможно на основе социокодов. Поток является всегда кодом, который должен быть выполнен в процессе. Термин «месторазвитие» удачно фиксирует процесс жизнеустройства в конкретном месте. В развитии любого общества важны ценностные приоритеты, выраженные в социокодах. Ценностные приоритеты доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества представлены в таблице 1.

Козволюционный симбиоз живого с территорией требует в концепции месторазвития определения ценностных парадигм, которые являются основой социокодов. Парадигма социокода выражает набор общепринятых правил, норм и символов, определяющих поведение и взаимодействие людей в природной среде. Социокод, заложенный в понятии месторазвития, выражается в его поэтике и базируется на развитии конкретного места.

Хозяйственная деятельность человека отпечатывается пространственно и ландшафтно. В месторазвитии хозяйственная деятельность находит соответствующее ей природное окружение и вступает с ним в нерасторжимую связь. Конструирование месторазвития возможно на основе поиска сопряженности разноплановых явлений и выведения в междупланной связанности закономерно-

го строя. В месторазвитии процесс изолирован. Процесс – это своеобразная программа в стадии выполнения, направленная на поддержание паттерна системы как характерной конфигурации взаимоотношений, ибо любая структура – это, прежде всего, проявление процесса, лежащего в ее основе. Потоки (природные, людские, транспортные, хозяйственные, информационные), находящиеся внутри этого процесса развития, являются структурно-формирующими факторами, определяющими средовые ситуации как паттерны. Потоки нужны для выполнения кодов процесса. Введение потоков в процесс важно для неразрушения природы и прошлого.

В месторазвитии происходит выборочное реагирование на воздействие среды на основе культуры как системы надбиологической программы жизнедеятельности. В этих программах большую роль играет опыт предыдущих взаимодействий в триаде «природа-население-хозяйство», которые закреплены в социокодах традицион-

ного крестьянского ландшафта, отражаемых в поэтике пространства.

Результаты и обсуждения

Модерн разрушал и деформировал природу и прошлое. Для постмодерна как духовного состояния характерно обращение к теме экологии. Постмодерн является геокультурным проектом. Постмодерное кибернотопическое проектирование вдоль экологической оси должно учитывать пророческое изречение В. И. Вернадского, который еще в 1934 году писал: «Но только эта природа не аморфна и не бесформенна, как это веками считалось, а имеет определенное, очень точно ограниченное строение, которое должно, как таковое, отражаться и учитываться во всех заключениях и выводах, с Природой связанных. Это “строение” очень своеобразно. Это не есть механизм и не есть что-нибудь неподвижное. Это – динамическое, вечно изменчивое, подвижное, в каждый момент меняющееся и никогда не возвращающееся к прежнему

> Таблица 1.
Ценностные приоритеты доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества

Доиндустриальное общество Премодерн (общество традиции) Традиционный крестьянский ландшафт	Индустриальное общество. Модерн Линейное градостроительство	Постиндустриальное общество Постмодерн Нелинейное градостроительство
Мифологическая система миропредставления	Функционально-ориентированная модель Мира	Коммуникативно-ориентированная модель Мира
Земледельческое мировоззрение. В его эстетике отражалась символика плодородия	Антропоцентрический взгляд на природу (господство человека над природой)	Признание самоценности природы
Устойчивая система, отражающая извечную взаимосвязь с окружающим миром природы	Природа как вместилище градостроительных объектов	Вписывание градостроительных объектов в ландшафтные ниши
Народное мирочувствование Бережное отношение к ресурсам	Ресурсы практически не ограничены	Сбережение природных, демографических, хозяйственных ресурсов. Учет хозяйственной емкости Биосферы
Патриархальная семья. Община, коллективность. Натуральное хозяйство	Иерархическое общество. Социальная атомизация. «Права собственности». Границы – иерархические структуры, ограничивающие участки и системы застройки	Сотрудничество в обществе. Гибкая, изменчивая, эволюционная и открытая застроенная среда. Поощрение потоков
Красота и целесообразность форм в целостной картине бытования (постройки, народные костюмы, предметы быта и т. д.). Гармония между духовным и материальным миром	Индустриальные вертикальные города Примат материального. Предметоцентризм	Город как антропогенный рельеф, вписанный в Биосферу. Топологическое пространство
Образ как целостная картина бытования крестьянина в органичной для него культурно-исторической среде	Унифицированность формального языка. Равнодушие к контексту места (градостроительного, исторического, природного и иным) Образ-метафора	Кибернотопика. Геокультура. Образ-метабола Внимание к традиции как отголоску генетической памяти в метаболической паутине жизни
Отзвуки языческого представления о мире и представление о его упорядоченности. Для крестьян было важно соотношение элементов в триаде «природа-население-хозяйство» не только между собой, но и во времени и пространстве	Жесткие планировочные сетки антропоцентрических планов	Топологическая сетка. «Ковер», сформированный природной основой и продуцирующий «следы» прошлых потоков и эпох. Узнавание «следов» потоков и знаков на основе социокодов в поэтике пространства
Месторазвитие. Языческое представления о мире и представление о его упорядоченности. Орнамент с тысячелетней семантической историей	Единообразность	Месторазвитие. Место конструируется на основе поэтики пространства и встраивается в законы Биосферы

образу равновесие. Ближе всего к нему живой организм, отличающийся, однако, от него физико-геометрическим состоянием своего пространства. Пространство биосферы физико-геометрически неоднородно. Я думаю, что удобно определить это строение особым понятием организованности» [7, с. 385–386].

В. И. Вернадский сформулировал представление о Природе нашей планеты как о целостной материальной системе. Ее шарообразная форма обуславливает закономерный угол падения солнечных лучей от экватора к полюсам и главную географическую закономерность – географическую зональность компонентов и комплексов географической оболочки. Солнечные лучи – прежде всего поток энергии, излучаемый Солнцем и дающий тепло и свет. Формы предметов, их цветовые тона, яркость и оттенки порождаются Солнцем, и мы их воспринимаем нашими глазами. Цвета предметов определяются цветом смеси отражаемых ими лучей (одуванчик – желтый, трава – зеленая [по С. В. Зверевой]). На планете Земля действуют великие законы гармонии в распределении вещества, энергии и информации. Академик А. Е. Ферсман, анализируя краски почв, отмечал: «В нарисованных выше картинах мы видели замечательную закономерность в ходе окрасок: от полярных широт до солнечных пустынь и глубин океанов цвета сменялись в таком порядке: белый, серый, желто-бурый, коричневый, красно-коричневый, красный, красно-черный, черный. И снова при высоких температурах, в условиях солнца, света, тепла наиболее темные непрозрачные тона» [8, с. 22].

Архитектуре и градостроительству требуются теоретические разработки по выявлению великих законов Природы в поиске закономерностей традиционного крестьянского ландшафта. Выдающийся русский и советский географ-универсал В. П. Семенов-Тянь-Шанский еще в 1928 году подчеркивал:

«Известно, что не только формы земных предметов в своем распределении по поверхности нашей планеты имеют свою строгую географию, но ею же обладают и природные тона пейзажа. Так, сибирская и уральская тайга имеет издалека общий сильно синеватый тон, а тайга Фенно-Скандии – гораздо более темно-коричневатый, стволы сосен на Русской равнине снизу серы, сверху красно-оранжевые, а на Северо-Германской равнине – сильно черноватые и т. д. <...> Так, на почти исключительно зеленом в общем весной и летом фоне великой Русской равнины, с ее лесами, лугами, степями и незрелыми еще полями до страды, наиболее эффектный контраст в солнечную погоду производят оптически дополнительные к зеленому красный, малиновый и розовый цвета, свойственные спелым ягодам, маку, шиповнику, кипрею лесных гарей, красному грибу и мухомору. В то же время у него имеются твердые понятия о синем и голубом, тогда как у немцев и французов то и другое обозначается общим словом *blau, bleu*. Вместе с тем красный и малиновый цвета представляются русскому более или менее самостоятельными» [9, с. 263–264].

В предлагаемом новом научном направлении – кибернотопике мир большой и малый, вселенная и человек тесно взаимосвязаны. Планировка поселений и их архитектура должна стать выразителем глубинных определенных общностей в организации между природой, населением, хозяйством. Необходимо понимать отношение «природа-пространство» в ракурсе воздействия распределения вещества, энергии и информации, так как пространство пронизано движением как внутренним в этом пространстве, так и проникающим, выходящим из этого пространства в другие.

Народные плотники-зодчие интуитивно чувствовали пронизанность движением пространства и внимательно изучали места для строительства деревень. Социальное пространство и природное пространство в традиционном крестьянском ландшафте трехмерно и было связано

с Землей-матерью и оппозицией восток-запад, север-юг, выше-ниже и т. д. Для крестьян было важно соотношение элементов в триаде «природа-население-хозяйство» не только между собой, но и во времени и пространстве. Крестьянин на интуитивном уровне чувствовал, что он лишь частичка метаболической паутины Жизни.

Крестьянин понимал, что лучше использовать под жилую застройку южные склоны, так как южные склоны холмов нагреваются сильнее северных, а западные – сильнее восточных. Народный зодчий, возводя избу на южном склоне, сокращал теплопотери в жилище, уменьшал площадь затенения, увеличивал естественную освещенность. Для крестьян пространство было не вещью, а сетью отношений между вещами (объектами, продуктами), встроенными в более глобальную метаболическую природную паутинную сеть. К примеру, крестьянские избы располагались красным углом на восток, навстречу возникающему дню.

На примере традиционного крестьянского ландшафта рассмотрим, как образовывалась кибернотопически-потоковая поэтика пространства. Для творческого претворения традиций важен поиск тенденций и закономерностей формообразования. Для приведения к единству и согласию каждый элемент в месторазвитии нужно привести в положительное согласие с другим как определенной формой всеединства. Дом для крестьянина был «узлом» природной сети, включенной в биогеохимические процессы Биосферы: солнечная энергия диктует Земле два круговорота веществ – большой (геологический, биосферный, включая водный) и малый (биологический).

Крестьянин не только оценивал природные явления для своего жизнеустройства, но и создавал ментальные комплексы обрядовых действий для управления стихией Природы. Дом для крестьянина был фундаментальной и внеконкурентной ценностью жизни. На рис. 2 можно заметить тесную корреляционную связь (по сочетанию форм, тонально-ритмическим и орнаментальным решениям) между народным костюмом и предметами быта в избе. Костюм молодой женщины отражает теснейшую связь между народным костюмом, предметом быта и суровой природой Севера, характеризующейся неярким светом дней, белыми ночами и голубым цветом рек и весенней нежности. Стоит отметить, что каждая воздушная масса определяется своими метеорологическими параметрами (влажностью, температурой, скоростью ветра, своей зарею и т. д.). Кроме того, весной и в первой половине лета для Севера характерен мягкий желтый цвет цветущих лугов. Цветовые спектры местной природы скромны.

Колористические решения в народных костюмах – это своеобразная матрица восприятия конкретного места в сложной колористической комбинаторике. При чем полихромный максимум для выделения из среды – это одежда молодой женщины. Красители для ткани делались из растений: красный цвет из мари белой (лебеда), корня грешника или подмаренника мягкого (косма-трава); желтый цвет – из цветов купальницы, бессмертника; синий цвет – из дикого калгана и т. д. (по Л. Г. Тимошенко).

И. С. Веселова, Ю. Ю. Мариничева, Л. Ф. Петрова (Матвиевская) подчеркивают: «Цветовой “набор” мира колыбельных песен беден по сравнению с цветовым богатством и изобилием мира вокруг, но он учит первому принципу народной колористики: контрастности по насыщенности-светлоте (яркости/бледности) и цветовому тону. Увеличение колористического репертуара дает возможность управлять цветностью мира: от стремления к совпадению цвета среды и предмета (например, достигая незаметности рыболовной сети в воде) до предельного контраста нарядности – максимальной выделенности из среды» [11, с. 33].

Синий и красный цвет в северных костюмах был в контрасте с желтым и зеленым цветами весенних цветов лугов, желто-медными «бабками» ржи (первичными кладями снопов) и темно-зеленым цветом хвойных деревьев, желтый – с синевой рек и неба.

Кроме этого, В. П. Орфинский, характеризуя деревенское зодчество Карелии, отмечает: «Светлые наличники окон с яркими вкраплениями деталей, контрастно и силуэтно читаются на фоне темных бревенчатых стен. Окрашенная чаще всего в зеленый цвет выкружка оснований балкона четко воспринимается на фоне свесов крыши, обычно окрашенных в насыщенный красный цвет, а те в свою очередь выделяются на фоне белесого северного неба. <...> В Карелии... применялись в основном контрастные сочетания немногих цветов – белого (реже желтого), красного и зеленого (реже синего), причем смелое применение таких дополнительных цветов, как красный и зеленый, усиливало хроматический контраст [12, с. 33].

Таким образом, цвета в одежде вторили цветам предметов быта, построек и природы или были с ними в контрастных соотношениях. Образовывался замкнутый цветовой ментальный круг в триаде «природа-население-хозяйство», отражавший особенности Севера и поэтику процесса его месторазвития.

Можно увидеть сходство, подобие силуэта северного народного костюма (динамичному и вытянутому по вертикали) очертаниям леса и зданиям, «бабкам» убранный ржи и т. д. Кроме того, в северном народном костюме можно увидеть сходство (подобие) форм его составных частей: трапециевидный силуэт сарафана вторит форме душегреи или бострога, повторяет его силуэтные линии, только в меньших пропорциях (по Т. Н. Тропининой).

Стоит отметить, что «севернее, в Архангельской области, сквозная резьба становится преобладающей, поскольку обеспечивает силуэтное восприятие деталей, а силуэт в условиях Севера – важнейшее средство архитектурной выразительности. Одновременно, по мере

> Рис. 2. Подвенечный наряд невесты Каргопольского уезда Олонецкой губернии. 1-я половина XIX века [10, с. 44]

продвижения на север, происходит изменение характера орнамента в сторону большей его геометризации и укрупнения. Эта общая тенденция распространяется и на Карелию» [12, с. 43].

Суровая природа Севера диктовала необходимость увеличения запаса материала, его укрупнение, поэтому форма становилась лапидарной (следовательно, более прочной). В традиционном крестьянском ландшафте крестьяне интуитивно понимали метаболическую паутину естественной среды и взаимосвязь движения потоков в триаде «природа-население-хозяйство» и старались их выразить в своих материальных паттернах.

Теперь рассмотрим южнорусский костюм (рис. 3). Для Юга России характерна необъятность широких полей, освещаемых ярким южным солнцем. В праздничном женском костюме Воронежской губернии заметна большая статичность, чем в северных костюмах, прямоугольные формы, более темные насыщенные цвета (кирпично-красные, черные) и преобладание горизонтальных линий, больших вытянутых по горизонтали коричневых (черных) полос и прямоугольников. Дородность женщин воронежского губернии хорошо подчеркивалась их народным костюмом, также построенном на сходстве форм основных частей.

Таким образом, в традиционном крестьянском ландшафте место было очеловечено, прочувствованно и промыслено (в хозяйственной деятельности и ментальной сети). Народные орнаменты как своеобразные знаки в одеждах и на домах были понятны всем в доиндустриальном обществе, поскольку они базировались на нерасторжимой связи человека с природой. В традициях передавались из поколения в поколения отзвуки языческого представления о мире и представление о его упорядоченности.

Так, крестьянские дома имели общее в причинном круговом процессе, выражавшем символы мироздания. Треугольный контур крыши представлялся небосводом, по которому солнце совершает свой ход, и поэтому его украшали солярными знаками. Также мы видим четыре стороны света – север, восток, юг, запад, четыре части наличников и тоже вокруг окна с обязательным изображением солнца. Но при таком неизменном образном «двойном круге» как гимне солнцу было и множество региональных вариаций в типах наличников и природных символах на них, отражающих местные региональные особенности природы. Сознание крестьян целостно, фиксирует единую систему знаний о мире и направлено, в первую очередь, на прагматическую значимость оцениваемого природного явления и принятия мер предосторожности.

Выводы

Солнечная энергия, поступающая в форме радиации и света, влияет на климат и погоду, составляя основу жизни и круговорота веществ. Без абсорбции солнечной энергии невозможен кругооборот воды и управление ветрами. Солнечная энергия, благодаря фотосинтезу растений, превращается в химическую, являющуюся основой древесины, пищи и биомассы. Чем больше солнца, света и тепла, тем больше будет по цветовому спектру темных непрозрачных тонов.

Глядя на цвета народных костюмов, мы видим те же закономерности. Ближе к югу – наиболее насыщенные цвета в народных костюмах. Для северного костюма мы заметим преобладание золотой вышивки и шитья, неяркий красный цвет; для южнорусского – обилие насыщенного красного света (в воронежском к красно-коричневому, белому цвету добавляется черный вышитый узор).

Для крестьянина природные краски были гармоничным сочетанием природных потоковых процессов и выражением глубоких законов природы. В традиционном крестьянском ландшафте передавалась идея завершен-

< Рис. 3. Праздничный костюм молодой крестьянки Острогжского уезда Воронежской губернии (конец XIX – начало XX в.) [10, с. 28]

ности и целостности мира на основе языческой мифологической системы миропредставления.

Поэтика крестьянской среды связана с учетом причинного процесса круговорота веществ на планете Земля (учет солнечного излучения и солнечного света, литодинамического, водного и ветрового потока и т. п.) и выявления на ментальном уровне:

- географической зональности в постройках, предметах быта, народных костюмах, песнях и т. д.;

- причинного кругового цветового процесса в триаде «природа-население-хозяйство» (между тканями, окрашенными природными красителями, цветом народной одежды, предметами быта, постройками и красками Природы);

- причинного кругового ментального процесса в триаде «природа-население-хозяйство» на символическом уровне (семантика знаков кодировала элементы природы, хозяйственную деятельность и отражалась в орнаментах народной одежды, предметах быта и в архитектурных орнаментах на постройках);

- причинного кругового процесса, связанного с «оживлением» солнца по небосводу, в наличниках окон и деталях причелин и полотенец (ветрениц) крыши крестьянского дома на основе украшения солярными знаками;

- мышления паттернами для создания образа как метаболы, отражающего региональные особенности и хороводную картину мира [5];

- принципа подобия форм (природа, народные костюмы, предметы быта, постройки);

- принципа народной колористики – контрастности по насыщенности-светлоте (яркости/бледности) и цветовому тону;

- принципа архитектурной орнаментики – изменение характера орнамента от глухого к сквозному и в сторону большей его геометризации и укрупнения по мере продвижения на север.

В доиндустриальном обществе все жизнеустройство пронизывалось общей хозяйственно-ментальной сетью, и мышление было многомерным. Крестьяне понимали единую образно-семантическую структуру своих поселений, своих жилищ, народных костюмов и предметов быта. Орнаменты как магические знаки-процессы были понятны всем. Каждая точка, черточка, линия в них – это

слово, фраза в представлении о целостном мире. Крестьяне могли считывать систему расположения орнаментов, сформировавшихся почти тысячелетие тому назад (к примеру, изображение кругового процесса движения солнца по небесной сфере на основе знаков на фронтонах домов и в наличниках жилищ).

Народное искусство было неотделимо от народной жизни и составляло с ним единое целое на основе древней языческой образной многомерной системы мышления, в которой транслировалась картина мира. В концепции народной картины мира, транслировавшейся через быт человека, отражались обычаи и традиции народа. На протяжении веков во всем жизнеустройстве народа господствовало мышление, связанное с земледельческим мировоззрением и символикой плодородия. Поэтому мировосприятие в доиндустриальном обществе было целостным, гибким, емким и отражало нерасторжимую связь с Природой. Для крестьян характерно отношение к Земле как Матери.

В индустриальном же обществе мышление стало одномерным, разрушена стройная образная единая семантическая связь жизнеустройства, провозглашался отказ от традиции и декора; утеряна синкретичность материального и духовного, тождественность человека и природы.

В культуре постмодерна (с 1960-х) становятся важными понятия «традиция» и «экология». Происходит постепенный возврат к ценностям крестьянского ландшафта, базирующегося на синкретизме и органической связи с природой. Но до сих пор в градостроительстве не разработаны положения по созданию нооценоза (по М. Н. Эпштейну) как интеллектуальной единой среды обитания, где в тесной образно-ментальной, хозяйственной и природной взаимосвязи находятся все элементы жизнеустройства в конкретном месте – их природной колыбели, встроенной в процессы Биосферы.

«Каждый природный объект является звеном конкретной цепочки пространственно-временных преобразований. Реки, озера, болота, лесные насаждения, антропогенные объекты связаны непрерывными потоками вещества разного ранга, активно развиваются или деградируют с разной скоростью» [13]. В градостроительстве становится актуальной проблема выявления характера непрерывного потока вещества и энергии в функциональном и эстетическом аспекте.

Градостроительство будущего должно создавать такую среду, где природа, население, хозяйство соединяются в динамическом потоковом процессе и связи в пространстве этих явлений друг с другом. Функционально-ориентированная модель Мира в модерне привела к духовному оскудению человечества. Отказ от опыта предыдущего поколения по организации жизнеустройства – это отказ от процесса общечеловеческого опыта, передающегося на основе традиций, определенной системы знаний, схем восприятия и техник взаимодействия с объектами и получаемых через практики от старших.

Паттерны традиционной деревенской культуры были связаны с предсказуемостью, избыточностью и включенностью в большой структурированный мир культуры и Природы. Жилище, народная одежда, предметы быта крестьян соответствовали его занятиям, быту, климатическим и географическим условиям. И это подчеркивалось в его эстетических представлениях о красоте как о закономерном явлении, обусловленном целесообразностью и утилитарностью. Кибернотопически-потоковая поэтика пространства немыслима без представления места как целостной «живой ткани», встроенной в природный и ментальный традиционный тысячелетний контекст (жилище, народные костюмы, предметы быта, особенно-сти хозяйствования), отражающей круговые потоковые процессы в метаболической паутине жизни.

Литература

- Павлова, Н. В. Постмодерн: трансформация коммуникаций // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2014. – № 4(43). – С. 116–121.
 - Эпштейн, М. Н. К семиотике пространства. Новые термины и конфигурации. – URL: <https://urania.7iskusstv.com/?p=66> (дата обращения: 25.12.2024).
 - Erpek, E., & Kömez Dağlıoğlu, E. (2023). The Oblique Function Theory in search of a dynamic and fluid urban morphology. *Journal of Design for Resilience in Architecture and Planning*, 4(2), 148–159. – <https://doi.org/10.47818/DRArch.2023.v4i2089>
 - Шешнёв, А. С. Что такое «антропоцен»? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. – 2017. – Т. 17, вып. 3. – С. 200–206.
 - Гаевская, З. Градостроительная кибернотопика: образ-метабола // Проект Байкал. – 2024. – № 79. – С. 45–51. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2283>
 - Эпштейн, М. Н. Постмодернизм в России. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 608 с.
 - Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера. – Москва : Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
 - Ферсман, А. Е. Цвета минералов. – Москва; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 158 с.
 - Семенов-Тянь-Шанский, В. П. Район и страна. – Москва; Ленинград : Государственное из-во, 1928. – 311 с.
 - Мерцалова, В. Н. Поэзия народного костюма. – Москва : Мол. гвардия, 1988. – 224 с. : ил.
 - Адоньева, С. Б., Веселова, И. С., Мариничева, Ю. Ю., Петрова (Матвиевская), Л. Ф. Первичные знаки / Назначенная реальность. – Санкт-Петербург : Пропповский центр, 2017. — 336 с. : ил.
 - Орфинский, В. П. Деревянное зодчество Карелии. – Ленинград : Стройиздат, 1972. – 120 с. : ил.
 - Соколова, Н. В. О проблеме формирования экологического каркаса территорий с учетом системы непрерывных потоков вещества и зон разрядки напряжений разного ранга // Георесурсы. Геоэнергетика. Геополитика. – 2014. – Вып. 2 (10). – URL: https://oilgasjournal.ru/vol_10/sokolova.html (дата обращения: 18.04.2025).
- ## References
- Adonyeva, S. B., Veselova, I. S., Marinicheva, Y. Y., & Petrova (Matvievskaia), L. F. (2017). *Pervichnye znaki / Naznachennaya realnost [Primary Signs / Assigned Reality]*. Saint Petersburg: Proppov Centre.
 - Epstein, M. N. (2019). *Postmodernizm v Rossii [Postmodernism in Russia]*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus.
 - Epstein, M. N. (2022). *K semiotike prostranstva. Novye terminy i konfiguratsii [To semiotics of space. New terms and configurations]*. Uraniya. Retrieved December 25, 2024, from <https://urania.7iskusstv.com/?p=66>
 - Erpek, E., & Kömez Dağlıoğlu, E. (2023). The Oblique Function Theory in search of a dynamic and fluid urban morphology. *Journal of Design for Resilience in Architecture and Planning*, 4(2), 148–159. <https://doi.org/10.47818/DRArch.2023.v4i2089>
 - Fersman, A. E. (1936). *Tsveta mineralov [Colours of minerals]*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House.
 - Gaevskaya, Z. (2024). Urban cybernetotopics: The metabola image. *Project Baikal*, 21(79), 45–51. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2283>
 - Mertsalova, V. N. (1988). *Poeziya narodnogo kostyuma [Poetry of folk costume]*. Moscow: Molodaya Gvardiya.
 - Orfinsky, V. P. (1972). *Derevyannoe zodchestvo Karelii [Wooden architecture of Karelia]*. Leningrad: Stroyizdat.
 - Pavlova, N. V. (2014). Postmodern society: transformation of communication. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 4(43), 116–121.
 - Semenov-Tyan-Shansky, V. P. (1928). *Raion i strana [Region and country]*. Moscow; Leningrad : State Publishing House.
 - Sheshnev, A. S. (2017). What is “Anthropocene”? *Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences*, 17(3), 200–206.
 - Sokolova, N. V. (2014). On the problem of the territory ecological skeleton and its forming, with regard to the system of continuous matter streams and the pressure discharge sites, of various ranks. *Georesursy. Geoenergetics. Geopolitics*, 2(10). Retrieved April 18, 2025, from https://oilgasjournal.ru/vol_10/sokolova.html
 - Vernadsky, V. I. (2004). *Biosfera i noosfera [Biosphere and noosphere]*. Moscow: Iris-press.